

С.А. Жебелев

**Апостол Павел и его
послания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.А. Жебелев**
Апостол Павел и его послания / С.А. Жебелев – М.: Книга по Требованию,
2013. – 196 с.

ISBN 978-5-517-90909-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1922 года

ISBN 978-5-517-90909-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

І. ВВЕДЕНИЕ.

1. Об апостоле Павле написано столько книг, что, прежде, чем предлагать вниманию читателя новую, необходимо договориться с ним, что он в ней найдет и чего он в ней будет искать тщетно.

Ап. Павел сыграл в истории человеческой культуры величайшую роль; значение же его в истории христианской культуры, по справедливости, может быть сопоставлено с тем значением, какое имеет в ней сам основатель христианства. Конечно, если бы не было Христа, не существовало бы и христианства. Но позволительно поставить и такой вопрос: что было бы с христианством, если бы не было ап. Павла. Не забудем: Христос был только учителем, собравшим вокруг себя небольшую группу учеников и несколько большее число последователей; Христос учил в узких пределах своей родной страны и в близких к ней окрестностях; учение Христа было устное, да и среди учеников его и последователей оно также распространялось только устно, на память, встречая отголосок, прежде всего, в их сердце и лишь затем запечатлеваясь в голове. В этом отношении с Христом невольно хочется сопоставить другого великого учителя, языческого мудреца Сократа, который также учил своих учеников и последователей в пределах одних Афин и учил их только устно.

Один из главных учеников Сократа, Платон, правильно заметил, что устное слово действует более сильно, более пронизывающе, чем слово писанное. И спору быть не может:

проповедь, лекция, речь, в момент их произнесения, производят на слушателей большее впечатление, более глубоко их захватывают, чем это можно сказать о проповеди, лекции, речи, после того, как они записаны и воспринимаются нами в процессе чтения. Устное слово, богатое содержанием, способно взволновать человека, и взволновать иногда бурно, даже тогда, когда он и не хочет волноваться; слово писанное, как бы оно ни было богато содержанием, вызовет в человеке волнение, но — обыкновенно — волнение тихое. Однако, при всех неоспоримых преимуществах слова устного, оно имеет и свои отрицательные свойства. Не говорим уже о том, что область распространения и воздействия слова устного всегда более ограничена, чем это приложимо к слову писанному. С этим еще можно примириться, памятуя о том, что всегда бывает много званых, но мало избранных. Но даже и среди последних слово устное будет действенным лишь до того времени, пока они живы: и для того, чтобы слово устное нашло себе распространение среди потомков этих избранных, оно должно быть, в конце концов, записано; иными словами, традиция устная должна вылиться в традицию писанную. Чем скорее процесс этот произойдет, тем, конечно, больше гарантий в том, что устное слово передано будет нам в неизменном или, во всяком случае, в близком виде к тому, какой оно имело в момент его произнесения. Чем дальше процесс этот будет отодвигаться, тем больше опасностей возникает для устного слова, которое может принять не только видоизмененную, но даже извращенную, в тех или иных деталях, форму.

Христос учил учеников своих устно. На этой устной традиции покоится основа учения Христова, сохраненная в евангелии. Допустим, что „благовестие“ о Христе совпало, для христиан первых двух веков, с первою, или первыми записями его. Что из этого? Каждый христианин, чувствовавший себя призванным к тому, считал себя в праве начертать для

себя и для других то евангелие, которое ему было возведено. Но всякий, бравшийся за выполнение этой задачи, не мог притязать на то, чтобы исполненная им обработка евангелия признана была всеми единственно правильною и истинною. Если даже выделить четвертое евангелие, с присущею ему ярко выраженной индивидуальностью его автора, то и у составителей синоптических евангелий, преимущественно евангелий от Матфея и от Луки, должно признать также, и в значительной степени, наличие индивидуальной окраски, поскольку она находит выражение и в поставленных авторами их себе целях, и в способе их осуществления, и в манере привлечения и расположения подлежавшего обработке материала. И это независимо от того, если даже авторы синоптических евангелий ставили себе задачей передать не свое евангелие, но евангелие Христово, если даже свою авторскую индивидуальность они совершенно затушевывали.

Послания ап. Павла также представляют собою евангелие, „благовестие“ о Христе. Но это уже — евангелие Павла, а не евангелия по Матфею, Марку, Луке, Иоанну. Личность автора в евангелии Павла выступает на первое место. В то время, как местоимение „я“, в приложении к авторам синоптических евангелий, в последних совершенно отсутствует, в евангелии Павла оно попадает сплошь и рядом. Если синоптические евангелия, так сказать, безличны, как произведения слова писанного, если они, в общем, носят вполне объективный характер, то послания ап. Павла принадлежат лично ему и, как памятник литературный, запечатлены печатью яркой субъективности.

Синоптические евангелия — в том виде, в каком они сохранились для нас — появились после посланий ап. Павла. Таким образом, хронологический приоритет остается за последними. Однако, не только не исключена возможность, но даже более, чем вероятно, что до появления посланий могли уже быть в обращении первоосновы синоптических евангелий, хотя восста-

новить эти первоосновы мы не в состоянии. Но если бы даже таких первооснов не существовало, все же авторитет евангелий должен быть поставлен выше авторитета посланий. Дело в том, что евангелия, по своему содержанию и общему характеру, тесно примыкают к жизни исконной христианской общины, которая об ап. Павле ничего не знает, или не хочет знать. Хотя синоптические евангелия и были созданы позже, чем началась писательская деятельность ап. Павла, результаты последней ни в коем случае не отражают того состояния, в каком находилось древне-христианское предание, нашедшее свое выражение в синоптических евангелиях.

Эти евангелия содержат простой и непритязательный рассказ о „словах“ и „делах“ Христа, рассказ, построенный по исторической схеме. „Евангелие“ ап. Павла ничего „исторического“ в себе не заключает; оно относится к типу таких произведений, которые теперь подводятся под категорию богословских. Гарнак называет ап. Павла „первым христианским богословом“. В этом есть доля правды, хотя богословские мысли Павла далеко не приведены еще в стройную систему, лишены отчетливой связи. Даже основная мысль богословия Павла — мы искуплены смертью Христа — каждый раз излагается не под одним и тем же углом зрения, и, при почти неисчерпаемом богатстве духовного содержания, Павел не успевает придать ей единство. Короче говоря, было бы ошибкой считать богословие Павла догматическим; тем не менее „евангелие“ Павла — богословие, и, можно утверждать, что своим богословием Павел как бы вытеснил образ „исторического“ Христа синоптических евангелий образом Христа небесного, отвлеченного, каковым он является в посланиях.

О том значении, какое имело богословие Павла для христианства, ученые судили различно: одни говорят, что он, вследствие своей раввинской учености, погубил христианскую религию; другие, наоборот, считают его истинным основателем этой религии. Те, кто близко знал Павла, утверждают, что

он, действительно, был человеком, понявшим Христа и продолжавшим начатое им дело. И такое утверждение совершенно правильно. „Называющие его губителем“, замечает Гарнак: „никогда не почувствовали теплоты души этого человека; они видят лишь его внешность и ученость; а превозносящие, или критикующие его, как основателя религии, принуждены признать, что в главнейшем пункте он сам себя опровергает, и что увлекавшее и поддерживавшее его сознание было лишь иллюзией и самообманом. Мы же, не желая быть мудрее истории, знающей его только миссионером Христа, и опираясь на собственные его слова, в которых он ясно свидетельствует, чем он хотел быть и, действительно, был,—мы его понимаем, как ученика Христа, как апостола, не только работавшего, но и совершившего больше, чем все остальные“. О том значении, какое имело, или должно было иметь, „благовестие“ Павла для христианской церкви, двух мнений быть не может. Вот почему выяснение сущности богословия Павла, исследование этого богословия со всех точек зрения, всегда составляло и будет составлять главный нерв всех книг, посвященных ап. Павлу. Автор настоящего „очерка“, не чувствуя себя ни в малой степени компетентным в области богословской науки, считал себя не только в праве, но и обязанным совершенно отказаться от мысли касаться характеристики и разбора деятельности ап. Павла, как христианского богослова. Для тех из читателей книги, которые пожелали бы углубиться в рассмотрение этой важной и сложной проблемы, автор „очерка“ мог бы указать на капитальный труд профессора Н. Н. Глубоковского „Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование“ (СПб. 1905, 1910, 1912). Читателю, которого устрашат размеры книги Н. Н. Глубоковского (она включает в себе более 2000 страниц), кто не рискнет погрузиться в „бездну премудрости“, в книгу вложенной (по заявлению автора, им было использовано, при составлении его сочинения, разных

печатных трудов до 3000 названий), можно рекомендовать прочитать страницы, посвященные характеристике „Религии и теологии Павла“ в очерке Юлихера „Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора“, очерке, помещенном в сборнике „Раннее христианство“ („Общая история европейской культуры“, изд. Брокгауз-Ефрон, т. V, отдел I, стр. 193 — 202).

Ап. Павел был не только богословом-теоретиком. Он перенес свое благовестие о Христе на практическую почву — стал миссионером, и на этом поприще оказал христианству не меньшие услуги, чем своим богословием. Справедливо замечено, что всякая новая религия, не занимающаяся миссионерством, обречена на самоуничтожение. Это прекрасно сознавал ап. Павел, который и усматривал свою главную задачу в своей миссионерской деятельности и отдал себя всецело на служение ей. Ап. Павел не был первым миссионером христианства, но, бесспорно, он был главным миссионером христианства.

В сущности, миссионерство началось уже вскоре после воскресения Христа, когда разбежавшиеся от страха ученики его пришли в себя и снова собрались в одну тесную семью. Тогда, в тех беседах, которыми они обменивались между собою, заложено было зерно христианства и выработана была его основная формула: Христос — обещанный Мессия, он воскрес из мертвых, вскоре вернется вновь на землю и установит царство Божие во Израиле. Формула эта возведена была ап. Петром и обоснована была им на том основании, что он, Петр, видел воскресшего Христа в Галилее. Вполне понятно, что первые шаги миссионерской деятельности учеников Христовых, апостолов, направлены были в сторону иудеев, среди которых живы были тогда представления и чаяния о грядущем Мессии. Поскольку они не затрагивали интересов иудейской теократии и не причиняли беспокойства римской правительственной власти, они никому не представлялись опасными.

Опасность началась с того момента, когда проповедь христианства стала обращаться не только к прирожденным иудеям, но также к прозелитам и язычникам, которые знакомы были с иудейским монотеизмом и иудейским законом, но не были обрезаны. Тут первые миссионеры христианства неизбежно должны были столкнуться с фарисеями и их единомышленниками. Они прибегли в своей борьбе с первоначальной христианской общиной к обычно всегда практикуемому в таких случаях средству — натравливанию бессознательных народных масс на отступников от Закона. Произошел, выражаясь современным языком, погром евреев на христиан, во время которого погиб Стефан — и, вероятно, и другие — и в котором Павел принимал самое деятельное участие. Такие христианские погромы повторялись, надо полагать, не раз; верующие во время их бежали из Иерусалима; затем, когда погромы прекращались, снова возвращались в него, а временем своего изгнания пользовались для миссионерской проповеди в различных пунктах Иудеи и за ее ближайшими пределами. Христианство распространялось, число христианских общин росло, но все они были ограничены тесными рамками главным образом, иудейской нации. Попыток сделать свою веру достоянием всего человечества древнейшая христианская община не делала, „и оставленной ей в наследство Христом закваске новой религии грозила опасность утратить в ее руках свою силу; способность древнейшей общины приобретать новых последователей уничтожилась бы чрез два-три поколения из-за постоянно обманутой надежды“ на появление Мессии (Юлихер).

Ап. Павел, с момента своего обращения, воспрепятствовал этому, главным образом, своей самоотверженной миссионерской деятельностью. В ней главное значение ап. Павла в истории христианства, в истории человеческой культуры. Однако, для того, чтобы оценить, по достоинству, миссионерскую деятельность ап. Павла, ее должно рассматривать не только

самое по себе, но обязательно на общем фоне истории тех народов и тех стран, где эта деятельность протекала, принимать при этом во внимание общие исторические условия эпохи. Это задача сложная и могла бы составить предмет особого очерка. В настоящей книге о миссионерской деятельности ап. Павла будет идти речь постольку, поскольку она стоит в связи с его посланиями¹⁾.

Послания, наряду с устной проповедью ап. Павла, являются, конечно, главными памятниками его миссионерской деятельности. Однако, они могут привлечь внимание и сами по себе, как памятник литературный. Более того: нигде личность ап. Павла не выявляется так определенно, так ярко, как в его посланиях. В них, как в продукте его личного творчества, и называется личность автора во всем величии и значении. И, думается, о какой бы стороне деятельности ап. Павла ни пришлось говорить, разбирать ли его, как первого христианского богослова, либо, как главного миссионера христианства, начинать следует именно с разбора его посланий, как памятника литературного. Лишь уяснив основные черты и общий характер литературной деятельности ап. Павла, становится возможным подойти к правильной оценке и его богословия и его миссионерства. Познакомить читателя с главными вопросами, связанными с литературною деятельностью ап. Павла и имеет исключительно в виду настоящий очерк. Всё остальное, что в нем находится, имеет лишь привходящий характер и привлечено постольку, поскольку оно представлялось необходимым для уяснения посланий Павла, как первого памятника древне-христианской литературы.

¹⁾ Для ознакомления с миссионерской деятельностью ап. Павла, во всем ее объеме, полезно и теперь обратиться к соответствующему тому имеющейся и в русском переводе (далеко, впрочем, не безупречном) „Истории первых веков [христианства“ Э. Ренана. Литература на иностранных языках — колоссальная.

Вряд ли было бы, однако, правильным обсуждать литературную деятельность ап. Павла безотносительно к той среде и обстановке, в которых она протекала. Всякий писатель, как бы он ни был индивидуален и самобытен, — дитя своего времени, своего народа, член окружающей его среды. И, не уяснив себе того фона, на котором развивалась литературная деятельность ап. Павла, мы рискуем не только не понять ее, но и представить ее в ложном, или, во всяком случае, не надлежащем освещении. Далее: всякий писатель, как человек, живет своею жизнью, а жизнь эта складывается так или иначе в зависимости от привходящих в нее внешних и внутренних условий. Поэтому для правильного представления об ап. Павле, как писателе, необходимо набросать хотя бы канву его биографии. Именно канву, потому что, если бы мы задались целью излагать биографию ап. Павла, мы должны были и его литературную деятельность рассматривать в связи не только с его проповедничеством, но и с его духовным развитием, а то и другое неизбежно втянуло бы нас и в область истории и в область богословия, тогда как мы ставим своею задачею оставаться только в пределах истории литературы. В области последней ап. Павел, по единодушному признанию, представляет собою настолько крупную величину и выдающуюся индивидуальность, что он занимает свое определенное место не только в истории литературы, ему современной, но и литературы мировой, не говоря уже о литературе античной. Недаром один из выдающихся современных ученых работников в области изучения античного мира, Эдуард Шварц, в своих увлекательных очерках „Charakterköpfe aus der antiken Literatur“ (Leipzig 1906, 1910), наряду с такими корифеями античной литературы, как, например, Пиндар, Фукидид, Еврипид, Сократ, Платон, Цицерон, Эпикур и пр., отвел место и ап. Павлу. А другой, столь же выдающийся представитель современной науки, Вилламовиц-Мёллендорф, в своей „Древне-греческой литературе“ называет ап. Павла „классиком эллинизма“.

2. Христианство, проповеди которого посвящена была вся деятельность ап. Павла после его обращения, занимало жерво-начально если и не враждебную, то, во всяком случае, довольно чуждую позицию по отношению к эллинизму. Христианство возросло на иудейской почве, в стране, которая, правда, находилась под влиянием, хотя бы внешним, эллинистическо-римской культуры, но в которую вряд ли проникла греческая духовная жизнь в ее высших проявлениях. Разумеется, в центре Иудеи, в Иерусалиме, не было недостатка в образованных на греческий лад людях, хотя бы, например, дипломатах, хорошо знавших греческий язык. Эти люди могли появляться в Иерусалиме из окружавших Палестину эллинистических городов и из городов иудейского рассеяния. Но вряд ли духовная культура греков проникла в толщу иудейского народа, оставшегося под духовным господством фарисеев, как наиболее образованной и тесно сплоченной иудейской секты, и державшегося в стороне от всего иноземного, а к эллинизму относившегося даже с особенным недоверием. Поэтому эллинистическая культура не могла оказать глубокого влияния на внутреннее развитие палестинского иудейства, особенно если принять в расчет, что даже в Diasпоре, где иудейство было сильно пропитано эллинистическими идеями, оно сумело определенно подчеркивать и проявлять национальное самосознание и удерживать свою самобытность. Эта цепкость иудейства к самому себе должна быть объясняема внутренней организацией его в Diasпоре и тесной связью его с Палестиной; эта же цепкость нашла свое выражение и позже в планомерной и единодушной оппозиции, проявляемой иудейством к распространению христианства.

Итак, первоначально иудейство и вышедшие из недр его христианство, с одной стороны, и эллинизм — с другой не стоят друг с другом в тесной внутренней связи. Да они и не могли близко соприкасаться, если принять во внимание, что являлось в ту пору основными рычагами эллинизма и христианства. Проповедь Христа направлена была только на разре-